

Глава пресс-службы берлинской полиции Штефан Редлих. Фото: Sinan Senyurt

04.02.2015, 13:25 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Задержания по-немецки: берлинская полиция о свободе собраний

Глава пресс-службы берлинской полиции Штефан Редлих рассказал ОВД-Инфо о том, как немецкие правоохранители готовятся к митингам, за что задерживают участников демонстраций и почему массовые акции лучше не прерывать. А активная участница немецких протестных акций, которая, в отличие от официального представителя, не обязана представлять полицию в благоприятном свете, перечислила наиболее распространённые претензии к правоохранителям со стороны демонстрантов.

Нужно ли в Берлине согласовывать митинги?

— В Германии Конституция гарантирует каждому право на проведение демонстраций. Если собрание проходит в помещении, — будь то ресторан, здание какого-нибудь фонда или Олимпийский стадион, — если пространство ограничено, вы можете проводить ее, не предупреждая полицию. Если же речь идет о демонстрации на улице, на тротуаре, в общественном парке, вы также имеете право это сделать, это гарантировано Конституцией, вы не должны спрашивать на это разрешения, но вы должны заранее предупредить об этом полицию — за сорок восемь часов до начала распространения информации о мероприятии.

В Берлине проходит около десяти демонстраций в день, — считая и большие, с тридцатью тысячами участников, и самые маленькие, например, когда три человека устраивают акцию напротив какого-нибудь посольства. В общей сложности это около четырех тысяч демонстраций в год. Естественно, есть определенные места, где люди предпочитают устраивать демонстрации, вроде Бранденбургских ворот, потому что демонстранты хотят, чтобы их замечали, чтобы их видели. Мы проверяем, возможно ли провести демонстрацию в этом месте, и если оказывается, что в то же время там будет кто-то еще, мы не говорим, что демонстрацию провести нельзя, но стараемся связаться с организатором и найти альтернативное место неподалеку или же перенести демонстрацию на более позднее время, когда первая подойдет к концу. Именно поэтому мы должны знать об акциях заранее — но, повторяюсь, только о тех, которые проходят, как мы говорим по-немецки, «под открытым небом»: о собраниях внутри здания, в помещении, полиции можно не сообщать.

Полиция у российского посольства. Фото: Eric Richard

Случается ли, что организаторы не сообщают полиции об акции?

— Да, такое бывает. Хотя обычно они нас предупреждают, потому что не хотят никаких проблем, например, с автомобильным движением: если планируется большая демонстрация, на которой будет много людей, мы перекрываем движение, чтобы все было безопасно. Но все же иногда случается и такое, что люди не сообщают нам об акции, когда они хотят, не предупреждая нас заранее, сделать тем самым заявление. Например, если демонстрация направлена против полиции, организаторы говорят, что не собираются общаться с полицией, раз они выступают против ее действий, так что они не предупреждают нас. Не сообщить полиции заранее об акции — преступление, но преступление только со стороны организатора. Обычно же человека, который организовал акцию, просто не находят. Кто-то опубликовал объявление в интернете, люди пришли, и полиция ничего не может против них сделать, ведь эти люди понятия не имеют, предупреждали ли полицию заранее или нет. В таких случаях мы стараемся найти ответственного за демонстрацию — не организатора, но человека, с которым мы можем говорить. По закону, по Конституции, мы должны сделать все возможное, чтобы участники демонстрации смогли ее провести.

Случаются ли столкновения между демонстрантами и полицией?

— Большая часть демонстраций проходит без каких-либо неприятных инцидентов, 99 процентов проходят без каких-либо проблем и насилия. Если же посмотреть на оставшийся один процент, даже меньше, силу применяют не все участники демонстрации, а только определенный круг людей, так что наша задача — отделить тех, кто нарушает закон, кто хочет ломать вещи и нападать на людей, от тех, кто хочет провести мирную

демонстрацию, — да, возможно, громкую, возможно, агрессивную, возможно провокационную, но в этом ведь и заключается право на свободу собраний: это право на провокационные демонстрации, а не право на милые тихие прогулки по городу, это право кричать, против чего ты выступаешь или что ты хочешь изменить. Так вот, наша задача заключается в том, чтобы, если кто-то начинает бросать камни или нападать на людей, отделить их от мирных участников. Мы не можем сказать: «Десять человек кидают камни, поэтому вы все должны разойтись по домам». Если бы мы так делали, нельзя было бы провести ни одной большой демонстрации, потому что кто угодно мог бы, бросив камень, изменить весь ее ход. Нет, мы должны уметь разделять людей. Иногда это очень сложно, но это возможно, и, знаете, с четырьмя тысячами акций в год у нас хватает практики, чтобы этому научиться.

Участники Первомайской демонстрации. Берлин, 2011 год. Фото: DDP

Каждый год, уже лет 25 или около того, столкновения происходят на акции 1 мая. Но в последние годы она становится все более и более мирной. В этом году там было 60 или 80 задержаний, что довольно много — пожалуй, больше, чем на любой другой демонстрации, но гораздо меньше, чем в прошлом году, когда их было две или три сотни. И особенно число пострадавших полицейских: 60 или 70 в этом году, а раньше их было более четырехсот.

Да, столкновения с полицией случаются. Но как полицейский я понимаю, что подавляющее большинство демонстраций проходит мирно, а в остальных случаях, я думаю, применение насилия — это часто медиастратегия, эти люди хотят попасть в СМИ. С четырьмя тысячами демонстраций в год, с десятью демонстрациями в день, как вы думаете, многие ли из них попадут в газеты? Практически ни одной. Но вот если там

есть насилие, есть столкновения с полицией, если что-то разрушено, разумеется, журналисты будут там. Будут делать фотографии, будут писать об этом, это будет на телевидении. Так что, я думаю, иногда это медиастратегия — сделать что-то, на что полиция должна отреагировать, чтобы попасть в СМИ. Я читал любопытную статью в немецкой газете, статью о действиях полиции, и там один парень как раз говорил: «Сперва нам нужны действия полиции, чтобы инициировать скандал, затем скандал инициирует дискуссию». Это стратегия.

Бывает, например, что кто-то не вносит арендную плату за жилье и поэтому должен съехать, но не делает этого: может быть, ему некуда идти или что-нибудь в этом роде. В итоге судья решает, что он должен освободить квартиру или комнату, это должны обеспечить специальные гражданские служащие. Но иногда организуются демонстрации в поддержку жильцов, их участники утверждают, что нельзя выгнать человека на улицу, даже если он не платит за жилье. И судья просит полицию сопровождать гражданских служащих, чтобы на них не напали. Иногда перед этой квартирой собираются несколько сотен человек, они сидят вокруг, блокируют лестницу, но они делают все это не только для того, чтобы защитить конкретного человека, но также чтобы инициировать публичную дискуссию. Я так думаю, они хотят, чтобы полиция что-то сделала, чтобы инициировать скандал. Мы должны помнить, что мы являемся частью медиастратегии, так же, как и журналисты. Конечно, мы не хотим быть этой частью, но иногда приходится: кто-то бросает камень, бутылку или еще что-нибудь, и мы должны его задержать.

Полиция задерживает участника Первомайской демонстрации. Берлин, 2010 год. Фото: Hamburger Abendblatt

Что может стать причиной задержания?

— Прежде всего, конечно, насилие: если кто-то нападает на кого-то, если что-то разрушено. Есть также особые ограничения именно для демонстраций: например, на них не разрешается скрывать лицо — за шлемом, маской и чем бы то ни было. Если кто-то это делает, мы, по закону, должны его задержать. И, разумеется, нельзя выкрикивать запрещенные законом лозунги. В Германии можно говорить почти все, что угодно, но есть и границы. Есть вещи, которые говорить не разрешается. Например, утверждать, что Холокоста никогда не было, — в Германии серьезное преступление. Как и прославление национал-социализма. Есть и некоторые другие ограничения. Например, летом здесь проходили демонстрации в поддержку Палестины, против действий Израиля в секторе Газа. Когда там начали кричать что-то против евреев, мы предупредили: «Если не перестанете, мы прекратим демонстрацию». Так что есть некоторые вещи, говорить которые незаконно, — их мало, но они есть.

*Задержание участника Первомайкой демонстрации. Берлин, 2013 год.
Фото: dpa / Kay Nietfeld*

Влияют ли на действия полиции политические взгляды демонстрантов?

Мы часто говорим: то, что мы делаем, — это защита права на демонстрации, а не погоня за людьми на улице. Это как с врачами: если ты приходишь к доктору, он не должен спрашивать о твоей религии, о том, левые у тебя взгляды или правые, он просто должен тебя лечить, это его работа. А наша работа — не выяснять, какой религии и политических взглядов придерживаются люди, а дать им возможность провести демонстрацию, одновременно обеспечивая общественную безопасность.

Разумеется, у каждого полицейского есть своя политическая позиция, он может быть согласен с демонстрантами или нет, как и любой другой человек. Но, как мне кажется, закрепленное в Конституции право каждого на демонстрацию важнее, чем отдельное личное мнение. Для каждого полицейского ясно, что мы должны защищать этот закон и что это важнее, чем личная позиция: какой бы она ни была, наши действия не должны от нее зависеть.

Конечно, мы смотрим на людей, которые проводят демонстрацию. Если проходит демонстрация врачей, требующих повышения зарплат, мы не будем устанавливать на ней слишком серьезную охрану, потому что, скорее всего, это будет мирная демонстрация. Но если это демонстрация людей, которые только что видели по телевизору зверскую резню в своем родном городе и собрались у здания посольства, мы уже не можем быть в этом уверены, потому что для них это крайне эмоциональная ситуация и они хотят, чтобы люди в посольстве понесли за это ответственность. В таком случае мы должны очень тщательно позаботиться об охране посольства и одновременно о праве этих людей высказать свой гнев и возмущение. Мы должны гарантировать оба права: право на безопасность и право на свободу собраний для каждого.

Полиция в берлинском районе Кройцберг перед началом Первомайской демонстрации. Фото: Reuters

Есть ли специальные подразделения полиции, которые работают на акциях?

— У нас нет специальных подразделений полиции, которые работают исключительно на демонстрациях. Внутри полиции есть пять гражданских служащих, *Versammlungsbehörde*, которые руководят координацией всех демонстраций, всем процессом с момента

поступления уведомления. Именно они рассматривают информацию о демонстрации и затем говорят: «Так, возможно, вам нужно будет сказать им, чтобы они немного изменили маршрут». Мы сами также рассматриваем информацию и стараемся понять, высок ли риск для общественной безопасности, следует ли внести изменения в автомобильное движение и так далее. И затем выбираем, каких полицейских туда отправить.

Есть полицейские, которые работают в отделениях, обычно они носят униформу, такую же, как на мне, и пуленепробиваемые жилеты — и все. Есть специальные группы, так называемые *Bereitschaftspolizei*, которые проходят дополнительное обучение: например, как проводить задержание внутри большой демонстрации, как работать в группе. Если кто-то из толпы бросил камень, они умеют проникать внутрь между участниками демонстрации. Они носят полное защитное обмундирование, от обуви до шлема. Но они занимаются не только этим, они выполняют и рутинные ежедневные задачи, такие, как патрулирование улиц.

Кроме того, есть подразделение полицейских, специализирующихся на коммуникации. Мы очень часто прибегаем к ним при массовых акциях, где велика вероятность столкновений. Они не носят никакой защиты, никакой специальной униформы, только жилет с надписью «Hello, talk to me». Их задача заключается в том, чтобы говорить с людьми. Например, если кто-то заявляет, что сейчас полиция начнет наступление, кто-то в это верит, по толпе начинают распространяться слухи, эти полицейские должны объяснять людям, что мы собираемся делать, говорить с ними. И это не раз позволяло нам разрешать конфликты. Иметь спецподразделения на случай массовых беспорядков — это не главное. Это последнее, что мы будем применять в ответ на насилие на улицах. Мы вообще не хотим, чтобы дело дошло до насилия. Поэтому мы отправляем этих

полицейских общаться с людьми, чтобы объяснить им, что мы делаем, чтобы успокоить их, насколько это возможно. Но если все же начинается насилие, мы немедленно их отзываем, потому что у них нет вообще никакой защиты.

Anti-Konflikt-Team на акции Occupy Berlin, октябрь 2011 года Фото: Sulamith Sallmann

Наконец, у нас есть сотрудник, работающий с социальными сетями. В этом году мы запустили свой канал в Twitter. Если у нас проходит большая демонстрация, мы пишем в твиттер и рассказываем о действиях полиции. Например, иногда приходится по какой-то причине приостановить движение шествия. Люди, которые идут впереди, возможно, знают, почему они остановились, но если демонстрация длинная, то другие могут этого не знать. Снова начинают распространяться слухи: они остановили нас, потому что готовят нападение, или что-нибудь в этом роде. И у нас есть возможность говорить, доносить информацию до этих людей. Мы пишем, что шествие остановилось потому-то и потому-то. И главное, мы никогда не врет в своем твиттере, мы всегда говорим правду. Твиттер очень полезен, потому что многие не хотят говорить даже со специалистом по коммуникации, им это не нравится, но они читают твиттер. Они читают, что мы пишем, видят наши доводы и со временем убеждаются в том, что мы их не обманываем.

Что может стать поводом для остановки демонстрации?

Например, если это длинная демонстрация, иногда люди в конце идут очень медленно, а в начале — быстро, и шествие начинает растягиваться и разрываться. Тогда мы его останавливаем, чтобы они смогли снова собраться вместе. Или же если в одной части начинаются беспорядки

или появляются люди в масках, скрывающие свою личность, мы останавливаем демонстрацию и говорим, что движение продолжится, как только все снимут маски. Множество причин. Бывает, что организатор вдруг объявляет: «Все, я пошел домой». Они проложили длинный маршрут через весь Берлин, а потом на полпути говорят: «Все, я ухожу». В таком случае нам нужно найти кого-то еще, кто будет отвечать за демонстрацию. Бывают самые разные причины. И Twitter тут очень помогает. Конечно, у нас есть громкоговорители, но их хорошо слышно только вблизи, и потом они всегда звучат очень недружелюбно. А вот если ты пишешь в твиттер, в благожелательном ключе, мне кажется, это действительно помогает, это дополнительный инструмент коммуникации. А коммуникация, пока есть еще такая возможность, остается для нас самым главным.

Демонстрация у Бранденбургских ворот. Фото: Berlinger Morgenpost

Может быть такое, чтобы полиция полностью прекратила демонстрацию?

Полиция имеет право прекратить демонстрацию, если высок уровень насилия и возникает угроза общественной безопасности. Когда не только отдельные люди бросают камни и мы должны отделить их от остальных, а когда агрессия исходит ото всех участников демонстрации. Тогда мы говорим, что это больше не мирная демонстрация. Ведь Конституция гарантирует только право на мирные демонстрации без оружия, а не на любые собрания, с пистолетами или ножами. Так что если демонстрация перестает быть мирной, мы говорим: «Всё, хватит». Но мы прибегаем к этому очень редко, потому что эти люди будут делать? Они не будут удовлетворены, они будут расходиться группами в разные стороны, будут ломать вещи. Поэтому мы всегда стремимся к тому, чтобы люди дошли до того места, куда хотели изначально. Если

это возможно. У меня нет точных чисел, но из четырех тысяч демонстраций число таких, которые нам приходится прекращать, чрезвычайно мало, может, штук пять. Это случается крайне редко.